

- Неплохо, с помощью зубрежки ты всё-таки усвоил некоторые основы. В дальнейшем постигать искусство игры на гуцине придется постепенно, доходя до всего своим умом. А теперь садись ближе, я покажу тебе аппликатуру и научу играть.

С этими словами он левой рукой прижал струны, правой извлек звук и, одновременно демонстрируя и поясняя, продолжил:

- Правая рука извлекает звук, задействуя большой, указательный, средний и безымянный пальцы. У каждого пальца своя сила удара, и тембр звучания тоже получается разным. При игре следи за плавным переходом от ногтя к подушечке пальца. Если играть только ногтем, звук получится резким и скорбным, а если только подушечкой — глухим и тусклым. Следует добиваться гармонии ногтя и подушечки, чтобы звук выходил мягким и теплым. Левая рука прижимает струны, и в зависимости от силы нажима и нужного участка струны также рождает разные оттенки звука. При скольжении пальца левой руки по струне в самом конце звучания высота тона меняется — это называется беглым звуком. Благодаря этому затихающее послезвучие звучит всё тише и тише, пока вовсе не растворится в ветре. В этом и заключается уникальный способ игры на гуцине.

Мелодичные звуки гуциня полились из-под пальцев Юэ Сяююня, и на этот раз маленькая Лэ Сюань слушал очень внимательно.

- Хорошо, попробуй-ка сам. Для начала не гонись за тем, чтобы сыграть целую мелодию, сперва изучи звуки и тембр каждой струны в разных регистрах. Не торопись добиться успеха в мгновение ока, хорошо играть — это не дело одного дня, понимаешь?

Юэ Сяююнь с нежностью погладил Лэ Сюань по голове.

- Понял, отец...

Закончив говорить, мальчик маленькими ручками осторожно коснулся струн и, подражая отцу, слегка неуклюже начал свой путь в освоении циня...

Когда Лэ Сюань научился исполнять произведения целиком, Юэ Сяююнь специально купил ему собственный гуцинь. Главное достоинство этого ребенка заключалось в том, что стоило ему за что-то взяться и проявить интерес, как он неизменно выкладывался на все сто и горел энтузиазмом. По мере того как его навыки постепенно росли, мальчику стало не хватать тех нескольких часов практики дома, что уделял ему отец, и Юэ Сяююню пришлось приобрести для него второй гуцинь. Стоило инструменту оказаться у него в руках, как Лэ Сюань тут же бросился опробовать его.

Наступила ночь. Едва поужинав, маленький Лэ Сюань торопливо велел служанке принести деревянную бадью с горячей водой, отыскал чистое новое одеяние и даже зажег палочку сандалового благовония.

Юэ Сяююнь озадаченно спросил:

- Сюань-эр, что это ты задумал?

Маленький Лэ Сюань с благоговейным видом ответил:

– Отец, в книге написано: если хочешь играть на цине, необходимо привести в порядок одежду, вымыть руки и воскурить благовония. Я вот решил сразу искупаться, так будет еще благочестивее.

Юэ Сяююнь кивнул. И впрямь, этот ребенок стоил того, чтобы его учить! Хотя в подобных наставлениях речь шла прежде всего об уважении к гуциню и создании нужной атмосферы, следовать каждому слову буквально было необязательно, однако при благоприятных условиях это превращалось в полезную привычку. Струны больше всего боялись сырости, так что вымыть руки перед игрой было просто необходимо. Маленький Лэ Сюань с самого детства так бережно и трепетно относился к циню — можно было не сомневаться, что в будущем из него выйдет толк.

В тот день Лэ Сюань занимался игрой на цине, как вдруг из передних покоев донесся шум и галдеж. Хотя в поместье Юэ то и дело кто-нибудь захаживал в гости, все посетители соблюдали правила и знали, что Юэ Сяююнь не выносит шума и суеты. Кто же это посмел нарушить заведенный порядок?

Лэ Сюань отложил цинь и еще не успел войти в переднюю залу, как услышал детский, но полный высокомерия голос:

– Где Юэ? С чего это вдруг его нет дома? А ну-ка позовите его!

– Ваша светлость, господина и вправду нет дома. Уходя, он обмолвился лишь, что идет чинить цинь, но куда именно — не сказал, — отвечал голос управляющего поместья Юэ, Бо Ле.

– Мне плевать, у меня к нему дело! — не унимался тот голос.

Бо Ле сбивчиво мямлил что-то в ответ, но так ничего толком и не произнес.

Лэ Сюань раздвинул бусины занавески и увидел мальчишку помладше, который вальяжно развалился на главном кресле с невероятно надменным видом. Лэ Сюань невольно нахмурился: подума подумаешь, ван!

Услышав шорох, Лань Юань повернул голову и уставился на Лэ Сюаня. Тот был одет в домашнее: простая одежда из тонкого шелка выглядела донельзя скромно. Лань Юань принял его за слугу из поместья Юэ, бросил на него беглый взгляд и еще выше задрал подбородок, давая понять, что Лэ Сюань должен опуститься на колени.

Лэ Сюань ничего не смыслил в дворцовых порядках, но ему претило, что этот наглец ставит себя выше всех, и в сердце мальчика всколыхнулось отвращение. Холодно взглянув на гостя, он бросил:

– Ты еще кто такой, чтобы устраивать балаган в поместье Юэ?

С него было достаточно! Во дворце те женщины только и делали, что третировали его, но стоило ему с большим трудом выбраться наружу, как какой-то слуга смеет разговаривать с ним в таком тоне. Это до крайности разозлило Лань Юаня. Вскочив на ноги, он подбежал к Лэ Сюаню, вцепился ему в воротник и свирепо прошипел:

– Я Сянь-ван! А ты, паршивый слуга, мало того что не преклонил передо мной колени, так еще и смеешь так со мной разговаривать! Ты... да этот Юэ совсем не умеет держать прислугу в узде, я еще выскажу ему при встрече!

Каков же задира! Но Лэ Сюань тоже не собирался терпеть унижения: он изо всех сил оттолкнул руки Лань Юаня, отпихнул его самого, поправил воротник и холодно произнес:

– Сянь-ван подума подумашь! Знатный ван, а элементарных правил вежливости не знает. Видимо, книг мудрецов не читал, или родители плохо воспитали? Кланяться в ноги столь бесцеремонному человеку — боюсь, отец меня побьет.

Больной мозолью Лань Юаня было то, что посторонние упрекали его в отсутствии родителей. Стоило ему услышать слова Лэ Сюаня, как он вмиг потерял рассудок, бросился на обидчика, и оба мальчишки покатались по полу, устроив настоящую драку. Стоявшие в стороне Бо Ле и слуги Лань Юаня не смели вмешаться и разнять их, лишь суетливо заламывали руки от страха.

К счастью, тут вовремя вернулся Юэ Сяюнь. Ему всего-то требовалось заменить порванную струну, так что отлучился он от силы на час — как же здесь могло такое приключиться? Он поспешно раташил дерущихся. Лица обоих мальчишек были в синяках и царапинах, а сами они яростно и злобно зыркали друг на друга.

Узнав причины произошедшего, Юэ Сяюнь не знал, смеяться ему или плакать. Только тогда выяснилось, что Лэ Сюань вовсе не слуга, а его собственный сын. Лань Юань лишился дар речи. Он-то все еще помнил свое прежнее требование заключить помолвку с ребенком Юэ Сяюня, наивно полагая, что у того родится девочка, а оказался мальчишка да к тому же с порога затеял с ним драку... Эх. Крушение надежд лишило Лань Юаня прежнего спесивого пыла, он понуро опустил голову и больше не произнес ни звука. В тот момент Лань Юань еще не ведал, что вся его жизнь будет связана с этим задирой, с которым они сошлись в драке, и что ради того, чтобы завоевать его сердце, он изведет все силы и отдаст абсолютно всё, даже с таким трудом добытый престол.

Но для Лэ Сюаня это происшествие осталось лишь легким детским эпизодом.

<http://bllate.org/book/26728/3201092>